

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Володарская, Ольга.

В68   Седьмая казнь : [роман] / Ольга Володарская. —
Москва : Эксмо, 2020 — 320 с. — (Большие тайны
маленьких городов)

ISBN 978-5-04-107965-9

Дом был слишком велик для нее одной, но Клавдия жила в нем, потому что его построил ее сын... Сын, погибший за три дня до свадьбы. Спасаясь от одиночества, Клава окружила себя друзьями. И со всеми ними она обсуждала свою смерть. Она не боялась ее, но и не торопила. Клавдия планировала умереть лет через пять от сердечного приступа, но она скончалась гораздо раньше. Ее убил кто-то из тех, кем она себя окружила, чтобы не сойти с ума...

Кто это сделал? Лучшая подруга? Несостоявшаяся сноха? Старый поклонник, так и не добившийся взаимности? Единственная родственница, мечтающая стать наследницей? Или ей отомстил человек, копивший обиду долгие годы, о котором Клавдия давно забыла?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Володарская О., 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-107965-9

Пролог

Этот дом был слишком велик для нее, одинокой старухи.

Три этажа, включая цокольный, где располагались сауна и бассейн. Девять комнат, четыре ванные, зимний сад и терраса размером со школьный спортзал. В нем могла бы обосноваться семья из десяти человек, начиная с прабабки и заканчивая ее правнуком-грудничком. Клавдия же была единственной его хозяйкой!

Дом построил ее сын Рома. Он мечтал о большой семье и собирался ее завести. Уже и девушку на роль жены выбрал. И предложение ей сделал. И согласие получил. И свадьба их должна была вот-вот состояться. Но произошло страшное — Рома погиб. Разбился на машине, когда ехал в свой новый загородный дом, чтобы проверить, все ли там готово. Молодые собирались заселиться в него сразу после свадьбы — провести брачную ночь и несколько дней медового месяца. Сам Рома хотел остаться на весь месяц, поскольку не любил путешествия и боялся летать, однако его невеста мечтала о романтических Мальдивах, и он купил путевку, собираясь вручить ее жене сразу после свадьбы. Рома любил делать сюрпризы!

Свадьба не состоялась. Как и поездка к океану. А дом, возведенный для большой семьи, стал обителью одинокой старухи.

Чтобы не сойти в нем с ума, Клавдия пригласила пожить вместе с собой Ромину невесту и свою близкую подругу. Но даже для троих особняк был слишком велик. Знакомые ей говорили: продай его. Зачем тебе такие хоромы? На их содержание уходит слишком много денег. Но она не желала этого делать. Рома столько души вложил в этот дом, что стены, казалось, пропитались его энергетикой. Здесь Клавдия иногда чувствовала незримое присутствие сына. Особенно в первую неделю после похорон. А когда вдруг, ни с того ни сего, открывалась дверь, или падала какая-то вещь, или тюлевые занавески подрагивали, будто от ветра, Клава думала — Рома по дому ходит.

Она хорошо помнила, как сын впервые привез ее в особняк, тогда еще строившийся. Вошли внутрь, и Рома принялся водить мать по комнатам, пока без окон и дверей, и захлеб рассказывать, какими их видит. Говорил, останавливаясь то у одного проема, то у другого:

— Вот тут будет столовая. Просторная, чтоб в центре ее поместился огро-о-омный стол, за которым можно будет собрать всю большую семью. А здесь детская. Для мальчика или мальчиков. Со спортивной стенкой и большой железной дорожкой в углу. А девчачья спальня будет находиться вот здесь. Потому что вид из окна чудесный. Я так и представляю, как моя дочь стоит по весне у окна и смотрит на цветущую черемуху. Видишь, мама, те деревья за нашим забором? Это как раз черемуха...

— Да подожди ты с детскими! — одергивала его Клавдия. — Может, у вас еще не получится завести ребятишек.

— Свои не получатся, чужих усыновим. Я хочу, чтоб мой дом наполнился детскими голосами.

Однако дом наполнился не ими, а горьким плачем Клавдии. Невеста Ромы, конечно, тоже горевала, только что такое ее боль по сравнению с материнской... Мужа молодая женщина себе еще найдет, а другого сына у Клавдии уже не будет.

После гибели Романа ее каждый день посещали мысли о смерти. Но Клавдия не мечтала о ней, просто много думала. И очень часто представляла. Пожалуй, это стало главным развлечением несчастной матери. Клавдия продумала все до мельчайших деталей. То, как она умрет. В каком гробу она будет лежать. А после — под каким памятником. Хотелось светлый, гранитный. И чтоб на нем был высечен определенный портрет. На нем она очаровательна, задорна, в шляпке с пышной розой. Такой ее сфотографировал Рома, когда они отдыхали в Ялте, и этот снимок стал их любимым.

А умереть Клавдия «планировала» от сердечного приступа. После бокала хорошего вина и сигаретки почувствовать боль в груди, зажмуриться и — умереть. Но не раньше чем через пять лет. Пока она чувствовала себя еще полной сил. Вот только сегодня что-то расклеилась. И физическое состояние оставляло желать лучшего, и моральное. Давление скакало весь день, а на душе тяжело было.

И мысли какие-то нехорошие. Мысли, мысли, мысли...

И все так раздражали!

Клавдия очень боялась умереть во сне. Почему? Она не знала. Другие люди только об этом и мечтают, а ей казалось страшным шагнуть из одного небытия в другое. Поэтому сегодня не хотелось лежать в кровати. Сидела в гостиной у потухшего камина и в очередной раз прокручивала в уме сценарий своих похорон.

Надо будет сказать подруге, чтоб гвоздик на могилу не клали. Не люблю я их!

Тут Клавдия услышала шорох. Сначала подумала, что это Рома ходит... его дух...

Но нет, по дому бродил живой человек. До слуха женщины донеслось его дыхание.

Через несколько секунд она увидела и его самого... еще не зная о том, что перед ней тот, кто этой ночью лишит ее жизни.

Часть первая

За несколько часов до...

Глава 1

Клавдии нездоровилось с самого утра. Скакало давление, а из-за этого болела голова.

Проклиная старость, она от нечего делать щелкала кнопками пульта. Пролистав сорок каналов, но так и не найдя ничего для себя интересного, выключила телевизор. Ну его, только раздражает!

Кряхтя, Клавдия поднялась с дивана. Время было еще не позднее, девять часов вечера. Спать женщина почти всегда ложилась в одиннадцать, и уже выработался режим. Так что Клаве нужно было как-то убить два часа. Если б не давление, она сходила бы в сауну. Или посидела бы у камина с бокалом красного вина и книгой. Но все это исключалось, поэтому Клавдия решила просто немного погулять по саду.

Она выглянула в окно — ветки деревьевгнул ветер. Значит, надо теплее одеться.

Клавдия достала из шкафа спортивный костюм, облачилась в него и пошла к двери.

Тут раздался звонок мобильного телефона. Женщина взяла трубку, посмотрела на экран, но без очков не смогла рассмотреть ни цифр, ни букв.

— Алло, — сказала она, поднеся сотовый к уху и нажав на кнопку приема вызова.

— Добрый вечер, Клавочка. Как ты?

Звонил Артур, ее давний друг.

— Добрый. Все хорошо, — скупно ответила она. Скупно, потому что обиделась на Артура за то, что тот не так давно отругал ее за курение. А ведь сигаретку она себе не так уж и часто позволяла.

— Плохо себя чувствуешь? — как-то сразу определил приятель.

— Давление скачет, — не стала обманывать Клавдия. — Из-за погоды, наверное.

— Я сейчас приеду! — выпалил Артур.

— Зачем? Чтобы опять прочитать мне лекцию о вреде курения?

— Понаблюдаю за тобой, я все-таки врач.

«Ну да, гинеколог», — усмехнулась про себя Клавдия. А вслух сказала:

— Я не при смерти, Артур. Нечего за мной наблюдать.

— Не хочешь меня видеть? Все дуешься?

— Уже нет. — Она и вправду перестала на него обижаться. Как можно дуться на человека, проявляющего о тебе такую заботу? — Если хочешь, приезжай. Только не как доктор, а как друг. Тем более что завтра, если ты не забыл...

— Нет, нет, Клавочка, конечно же, я помню про праздник. Собирался завтра утром приехать, но буду сегодня. Уже развернул машину. Так что жди.

— Жду.

И отсоединилась. Но едва она положила телефон на тумбочку, как тот вновь запиликал. Клавдия подумала, что это Артур забыл ей сказать еще что-то, но звонил ей не он.

— Здравствуй, — услышала она приятный баритон Сергея, еще одного своего друга и... и не только...

— Привет.

— Ты дома?

— А где мне еще быть в такое время и в такую погоду?

— Я сейчас в соседнем поселке. Хочу заскочить, поздороваться, давно не виделись.

— Приезжай, конечно. Буду очень рада тебя видеть.

— Тогда до скорой встречи. Чао.

Это была его привычка — заканчивать телефонные разговоры и прощаться итальянским «чао». Клавдию она немного раздражала. Но Сергей обожал Италию, часто там бывал, и растрекаемое «чао» прицепилось к нему, как слово-паразит. Приходилось мириться.

Поговорив с Сережей, Клавдия вернулась к шкафу и переоделась. Негоже перед мужчинами в спортивном костюме представлять. Гораздо лучше она будет выглядеть в мягких домашних брюках и кофточке из тонкого кашемира. И подкраситься надо немного. Глазки нарисовать.

Клавдия опустила на пуфик перед туалетным столиком, достала косметичку. В ней лежало только три предмета: подводка, тушь и персиковая помада. Всю свою жизнь Клава пользовалась лишь ими. Ни теней, ни румян, ни пудры не признавала. И с цветом помады не экспериментировала. Знала: ей идет только персиковый.

Двумя уверенными движениями Клавдия прочертила линии на веках. Затем взялась за тушь. Поднесла кисточку к глазу, но рука застыла в сантиметре от ресниц...

На столике стояла фотография сына, взгляд Клавдии упал на нее, и сердце защемило.

Ромочка... Ее позднее женское счастье!

Клавдия до тридцати не задумывалась о детях. Была вся в страстях. Влюблялась, как кошка. Всегда безответно. Выбирала самых недоступных. Зачастую женатых. Но как только добивалась взаимности, теряла к избранникам интерес. Она была очень собою хороша в молодости. Кучерявая, улыбчивая, с ямочками на щеках, с точеными ножками и талией пятьдесят пять сантиметров. Она танцевала в кордебалете. Была на виду. Ее часто приглашали в шумные компании, где Клава и знакомилась со своими будущими мужчинами. За год у нее случилось пять-шесть романов. В каждого из своих избранников она бывала искренне влюблена. Но ни с одним не дошла до загса.

Так и порхала без малого десять лет. Но вот ей исполнилось тридцать, и все изменилось. Клавдия очень хорошо запомнила тот свой день рождения.

Как всегда, отмечала его в ресторане. Было много народу, цветов, подарков. Самый лучший преподнес тогдашний любимый — норковую горжетку с атласным бантом, привезенную специально для нее из Греции. Клава сразу же накинула ее и щеголяла в ней весь вечер, несмотря на жару. Она очень себе нравилась в тот день рождения. Выглядела и правда потрясающе и чувствовала себя так же. Клавдия то и дело подбегала то к одному, то к другому зеркалу, смотрелась в них и отмечала, что время над ней не властно. Она так же свежа и очаровательна, как и в двадцать, когда только-только устроилась в кордебалет.

Клаве было очень жарко в горжетке, поэтому она то и дело выбегала на улицу, чтобы освежиться. В очередной раз покинув ресторан, увидела неподалеку от входа компанию своих гостей. Это были муж-

чины. Четыре человека. Они курили и что-то обсуждали. Клава сначала хотела подойти к ним, но потом передумала и тихонько опустилась на лавочку, желая немного перевести дух и вернуться в зал.

— Все порхает стрекоза наша... — донесся до ее ушей голос одного из бывших ухажеров. Тот работал в том же варьете, и с ним она рассталась цивилизованно. Обычно в пух и прах ругалась со своими «экс», видеть их больше не могла, а с этим после разрыва поддерживала приятельские отношения.

— Как героиня крыловской басни, честное слово! — добавил мужчина.

— А что ей еще делать? — пожал плечами другой гость, муж зачатой подружки Клавы. — Ничего ж больше не умеет.

— Согласен. Но пора подумать о «зиме», та ведь не за горами. Как там в басне? «Попрыгунья-стрекоза лето красное пропела, оглянуться не успела, как зима катит в глаза...» Лето нашей Клавы на исходе. Ей уже тридцатник!

— Еще довольно молода, — заметил кто-то.

— Но не для брака! Замуж в таком возрасте выйти проблематично. Хотя можно в принципе. Только брать надо любого, кто согласится довести до загса. А Клава наша все выбирает, в мужиках, как свинья в апельсинах, роется. До сих пор! Хотя уже потаскана, да и репутацию имеет не самую хорошую...

— И что бы ты ей предложил?

— Попробовать охотутать какого-нибудь дурачка не из нашего круга. А если не выйдет, то хотя бы для себя ребенка родить.

Исчерпав тему, мужчины заговорили о футболе.

А Клавдия, как оплеванная, поплелась назад в ресторан. Зайдя внутрь, первым делом отправилась

в туалет. К счастью, там никого не было, и молодая женщина смогла немного поплакать. Затем умылась и привела в порядок макияж. Потом посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась. Она на самом деле выглядит не лучшим образом. Как там сказал ее бывший? Потасканно... А еще пятнадцать минут назад все было иначе. Или просто ей думалось, что иначе! Наверное, не обращала внимание на вот эти гусиные лапки у глаз, складки на шее, морщинки, тянущиеся от носа к подбородку...

Клавдия вернулась к гостям с улыбкой на лице. Однако сохранять ее было трудно. Пришлось наврать, что плохо себя почувствовала, и свернуть праздник.

После дня рождения Клавдия начала задумываться о «зиме». Но снова влюбилась, да так, что все мысли из головы вон. Кроме одной — о нем.

За того мужчину она пошла бы замуж. Только не позвал. И повел себя с Клавой так нехорошо, что сердце ее на мелкие кусочки разлетелось.

Она долго отходила от разочарования. Два года. И в этот период особенно остро ощущала свое одиночество. Был бы у нее ребенок, можно было бы ему отдать свое тепло, а малыш поделился бы с нею своим... Но ребенка у нее не было.

Когда Клава только начала встречаться с мужчинами, она не предохранялась, отправляясь с ними в постель. После двух аборт, в двадцать и двадцать три, пришлось поставить спираль. Но в самом начале романа с тем, кто потом разбил ей сердце, она сбегала к гинекологу и попросила ее вынуть. Однако забеременеть не удалось. И от других мужчин все никак не получалось. Клава уже готова была смириться с тем, что никогда не станет матерью, как произошло чудо...

Беременность Клавдия переносила тяжело. Угроза выкидыша стояла настолько остро, что женщина почти все время лежала на сохранении. Наконец все же родила здоровенького, хоть и хрупкого, мальчика с невероятными глазами — цвета ясного летнего неба. Позже они немного изменили цвет, но все равно остались красивыми.

Клавдии вообще все в сыне нравилось. Она считала его лучшим ребенком на свете. Однако старалась не баловать чрезмерно, а скорее — поощрять. А вот наказывала не строго. Наверное, потому, что не за что было. Ромка, конечно, шалил, но серьезно не хулиганил. Он был замечательным мальчишкой, ее сын...

Вырос Рома на удивление хорошим парнем. Мать нарадоваться на него не могла. А уж какую гордость испытала, когда сын поступил на бюджетное отделение престижного вуза... И ведь Клава его отговаривала, не веря, что без связей можно туда попасть. А у Ромки получилось!

Ему вообще невероятно везло. Да, он старался, очень старался, но многим таким же целеустремленным и упорным удача в какой-то момент отказывала, и все летело в тартарары. Ромочке же сопутствовала. И Клава, следя за его успехами, думала о том, что ее сын проживет долгую, насыщенную интересными событиями жизнь, умрет лет в девяносто в окружении детей, внуков, правнуков, да еще молодой жены и «последыша» лет десяти.

Но Ромочка погиб, не дожив до тридцати. За два дня до своей свадьбы. Разбился на машине по дороге в поселок, где построил дом для своей будущей семьи.